

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.
Февраля 15. № 4. 1871 года.

О П И С А Н І Е
СПАСОКАМЕННАГО,
ЧТО НА КУБЕНСКОМЪ ОЗЕРѢ,
МОНАСТЫРЯ,

(нынѣ Спасопреображенская Бѣлавинская пустыня.)

(Продолженіе.)

64. Второй пожаръ 1657 года; состояніе монастыря по описи 1670 года; настоятельство и степень монастыря до штатовъ и по штатамъ 1764 года.

Спустя 185 лѣтъ послѣ упомянутаго перваго пожара и ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ построенія надвратной Иоанно-предтеченской церкви, Спасокаменный монастырь вторично былъ опустошенъ пожаромъ, въ Августѣ 1657 года. Вотъ современное объ этомъ событіи извѣстіе(*), найденное въ ста-

(*). Въ Ист. Росс. Іер. въ статьѣ о Спасокаменномъ монастырѣ, объ этомъ второмъ пожарѣ не упоминается: стало бытъ, о немъ не было дѣйствио составителю этой статьи.

ромъ архивъ вологодской консисторіи, въ документѣ слѣдующаго содержания:

«Лѣта 7166 (1657) г., Декабря въ 23 день, били челомъ великому господину Преосвященному Маркеллу, архіепископу вологодцкому и великопермскому, Всемиловитаго Спаса Каменнаго монастыря келарь старецъ Феодосей Резановъ зъ братьею: въ прошломъ де 165 году, Августа противъ 24 числа въ ночь, судбами Божіими и за умноженіе де многихъ грѣховъ, монастырь Всемиловитаго Спаса выгорѣлъ, и церкви Божіи и Божія милосердія образы погорѣли и церковныя помосты обвалились и своды каменные на тѣхъ церквахъ порушились и колокола разлились, и всякіе монастырскіе службы со всякимъ монастырскимъ строеніемъ безъ остатку згорѣли; а тотъ де Спаской монастырь стоитъ Кубенсково озера на острову и отъ того де Каменнаго монастыря бревенной лѣсъ верстахъ въ сорокѣхъ и болши, и того Спаского монастыря построить имъ стало нечѣмъ, что монастырская казна всякая до основанія погорѣла; и великому бы господину преосвященному Маркеллу, архіепископу вологодцкому и великопермскому ево келаря старца Феодосея зъ братьею пожаловать велѣть збирать въ домъ Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородицѣ на церковное и монастырское строеніе въ городѣ на Вологдѣ и въ вологодцкомъ уѣздѣ и въ иныхъ городѣхъ и уѣздохъ. И мы великій господинъ преосвященный Маркель, архіепископъ вологодцкій и великопермскій, ево келаря старца Феодосея зъ братьею пожаловали велѣли збирать въ домъ Всемиловитому Спасу на церковное и монастырское строеніе въ городѣ на Вологдѣ и въ вологодцкомъ уѣздѣ и въ иныхъ городѣхъ и уѣздахъ и по ярмангамъ и по торжкомъ вездѣ безпечно; а пріѣхавъ въ иные города и въ уѣзды и являтца патриаршимъ и митрополичимъ и архіепископлимъ тиномъ, или десятильникомъ». —

Въ 1670 году, т. е. черезъ 12 лѣтъ послѣ втораго пожара, Спасокаменный монастырь, при послѣдовавшей въ немъ,

тогда перемѣнѣ настоятеля, былъ, по указу преосвященнаго Симона, архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго, подробно свидѣтельствованъ и описанъ со всѣми его зданіями, имуществомъ, братіею и вотчинами. Опись эта сохранилась въ архивѣ консисторіи и составляетъ въ настоящее время единственный письменный памятникъ, дающій понятіе о древнемъ бытѣ знаменитой обители(*). По показанію этой описи, монастырь находился въ то время въ слѣдующемъ состояніи:

Въ немъ было три каменныхъ церкви: *холодная Спасо-преображенская, теплая трапезная Успенская* съ надстроеною надъ ней колокольнею и *Іоаннопредтеченская* надъ святыми вратами(**). Всѣ церкви были въ полномъ благоустройствѣ, и слѣды пожара 1657 года замѣтны были только въ одной изъ нихъ, вѣроятно болѣе подвергавшейся дѣйствию пламени, въ теплой Успенской, въ отсутствіи сгорѣвшихъ украшеній на нѣкоторыхъ иконахъ. — Внутренность главнаго Спасо-преображенскаго храма отличалась особеннымъ великолѣпіемъ и необыкновеннымъ множествомъ св. иконъ. Предолтанный иконостасъ этого храма, пятиярусный, увѣнчанный рѣзными изображеніями херувимовъ и серафимовъ, весь снизу доверху блисталъ серебромъ и золотомъ. Изъ этого иконостаса было до ста разной величины иконъ, и почти всѣ онѣ имѣли на себѣ серебряные позолоченные оклады, а на нѣкоторыхъ вѣнцы и даты были украшены цвѣтными камнями и жемчугомъ. Любопытною для настоящаго времени принадлежностію этого иконостаса были многочисленныя привѣски, или «приклады» къ нѣкоторымъ иконамъ, не только къ мѣстнымъ, но и къ находившимся въ третьемъ ярусѣ, состоявшія частію въ

(*) Нѣкоторыя извлеченія изъ этой описи, весьма любопытной не только въ историко-статистическомъ, но и въ археологическомъ отношеніи, приведены подлинникомъ въ приложеніяхъ къ этому описанію.

(**) О наружномъ видѣ церкви Спасо-преображенской въ описи ничего не сказано, а о колокольнѣ и о надвратной церкви замѣчено, что главы на нихъ (по одной главѣ на каждой) и кресты были паяны бѣлымъ желѣзомъ.

серебряныхъ чеканныхъ, а болѣе въ рѣзанныхъ изъ чернаго дерева, изъ черной и бѣлой кости и разноцвѣтнаго камня, малыхъ иконахъ, панагіяхъ, крестахъ, складняхъ и гривнахъ (*). Кромѣ ста иконъ, бывшихъ въ предолтарномъ иконостасѣ, помѣщалось еще въ разныхъ мѣстахъ этого храма, какъ-то: на столпахъ, надъ архимандричьимъ мѣстомъ, противъ веларскаго мѣста, надъ клиросами и въ олтарѣ, до 50 иконъ, болѣею частію украшенныхъ сребропозлащенными окладами. Въ храмѣ было четыре большихъ мѣдныхъ паникадила и одно меньшее «спускное о шести подсвѣчникахъ». Передъ мѣстными иконами въ лампадахъ висѣли восемь свѣчъ восковыхъ «поставныхъ болшихъ тощѣ» (т. е. внутри пустые) и стояли четыре деревянныхъ подсвѣчника «литейныхъ точеныхъ», вызолоченныхъ листовымъ золотомъ и еще два подсвѣчника «повседневныхъ» точеныхъ же, безъ позолоты.

Противъ праваго клироса въ Спасопреображенскомъ храмѣ, у стѣны, находилась гробница *Св. Благочестиваго Князя Иоасафа*, съ останками мощей его, спасенными въ пожаръ 1472 года; на гробницѣ возложенъ былъ образъ этого Угодника, украшенный серебрянымъ рѣзнымъ позолоченнымъ вѣнцомъ; на образѣ лежалъ деревянный, обложенный сребропозлащенной басмою, *крестъ* также съ мощами *Св. Иоасафа* (*);

(*) Объ этихъ привѣскахъ опись выражается такимъ образомъ: «икона—рѣзь на черной кости, икона—рѣзь по бѣлой кости, панагія—по серебру, рѣзь, панагія—рѣзь по черной кости; крестъ на камени на аспидѣ, крестъ на камени красномъ, складни—рѣзь по древу, складни—рѣзь по черному древу, складни—рѣзь по бѣлой кости» и проч. Нѣсколько этихъ привѣсокъ, замѣчательныхъ образчиковъ стариннаго рѣзнаго искусства, спасенныхъ отъ пожара 1774 года, хранятся доселѣ въ Вологодскомъ Духовъ монастырѣ; въ который поступило послѣ упомянутаго пожара все имущество Спасокаменной обители. На эти сохранившіяся привѣски указано ниже въ приложенияхъ.

(*) Кромѣ *Св. Князя Иоасафа*, о другихъ мѣстныхъ Спасокаменскихъ Угодникахъ, чтимыхъ въ обители въ позднѣйшее и въ настоящее время, какъ-то, о чудотворцѣ *Петрѣ*, о препод. *Кассіанѣ* (см. о нихъ выше въ главѣ 4) и о блаженномъ *Василіи*, въ описи нигдѣ не упоминается. Нѣтъ также указанія и на принесенныя въ даръ монастырю *В.*

гробница одѣта была двумя покроями изъ разныхъ дорогихъ шелковыхъ матерій.

Кромѣ главнаго престола въ Спасопреображенскомъ храмѣ, упоминается въ описи существовавшій въ немъ прежде, но въ то время (можетъ быть, послѣ втораго пожара) стоявшій упраздненнымъ придѣльный престолъ во имя *Св. Петра Митрополита Московскаго чудотворца*; гдѣ находился тогда этотъ придѣлъ, въ верхнемъ, или нижнемъ этажѣ храма, въ описи не показано*).

Въ *теплой Успенской церкви* иконостасъ, по вышеупомянутой причинѣ, былъ въ то время довольно скуденъ: изъ семи мѣстныхъ иконъ его только на одной были три вѣнца серебряные и еще на одной окладъ мѣдный; прочія не имѣли никакихъ украшеній; о четырехъ изъ этихъ иконъ въ описи сказано: «ветхи», а о двухъ помѣчено: «вѣнцы и гривны на нихъ въ пожаръ сгорѣли». Верхняя часть этого иконостаса (деисусъ) состояла изъ иконъ, писанныхъ «на краскѣ», т. е. самой простой и недорогой работы. Свѣчи передъ мѣстными иконами были «маленькіе, тощіе, навожены красками». Среди церкви висѣло паникадило «маленькое мѣдное о четырехъ ручкахъ».

Въ *надвратной Иоанно-предтеченской церкви* иконостасъ состоялъ изъ четырехъ мѣстныхъ и одиннадцати въ верхней части его иконъ, писанныхъ «на краскѣ» и ничѣмъ не укра-

К. Василиемъ Вас. Темнымъ и сыномъ его Андреемъ Углицкимъ иконы: Спаса Еммануила, Божіей Матери Одигитрии и Деисуса. Хотя и было по нѣскольку иконъ съ наименованіями Спаса Еммануила и Божіей Матери Одигитрии, но очевидно, это были уже не великокижескія приношенія: иначе о нихъ такъ и было бы сказано, какъ на прим. при описаніи ризничныхъ вещей, объ одной перемѣнѣ священнослужебныхъ ризъ замѣчено въ описи, что ризы эти—даніе преосвященнаго Маркелла, архіепископа вологодскаго. По всей вѣроятности, упомянутыя драгоценныя иконы сгорѣли въ первый пожаръ 1472 года.

(**) Вѣроятно, придѣлъ этотъ находился въ нижнемъ этажѣ, въ которомъ существовалъ въ нынѣшнемъ столѣтіи до 1845 года престолъ въ имя Святителей Московскихъ, Петра, Алексія и Ионы.

шенныхъ. Передъ иконостасомъ была только одна свѣча «поставная деревянная тощая и малое паникадило мѣдное.

На колокольнѣ было десять колоколовъ: изъ нихъ большой «блатовѣстный» вѣсомъ 107 пудовъ, другой—37, третій—25, четвертый—15, пятый—7, шестой—2 пуда. Объ этихъ шести колоколахъ въ описи замѣчено, что ихъ «послѣ пожара передѣлывалъ архимандритъ Ееросинъ на Москвѣ изъ горѣлые мѣди» (*), а объ остальныхъ четырехъ колоколахъ сказано: «да старыхъ колоколовъ отъ пожара осталось четыре колокола маленькихъ.» Между колокольней и ризницей въ каменной палатѣ помещались «часы боевые съ перечасьемъ.»

Въ ризницѣ монастырской было: евангелій напестольныхъ, украшенныхъ бархатомъ и серебромъ—5; священнослужебныхъ сосудовъ серебр.—3; крестовъ напестольныхъ серебр.—4; кадиль сереб.—2; ризъ священническихъ—32; подризниковъ и стихарей—24, епитрахилей—22, поручей—18, орарей—5, палицъ—2, суловъ—4, шапокъ архимандричьихъ—2. Почти всѣ священнослужебныя облаченія и ихъ принадлежности были изъ шелковыхъ матерій, нѣкоторыя изъ весьма дорогихъ и многія были украшены жемчугомъ, серебряными дробницами и проч.

Въ библиотекѣ («книгохранительной полатѣ») было 364 книги, большею частью церковнослужебныя; изъ нихъ только 66 книгъ были печатныя, прочія всѣ письменныя и въ числѣ послѣднихъ было 6, писанныхъ «на харатѣ», т. е. на пергаментѣ. Въ заключеніе перечисленія книгъ въ описи сказано: «а иные книги многіе въ пожарное время згорѣли.»

Въ архивѣ монастырскомъ хранилось 48 письменныхъ (*). Въ числѣ этихъ шести колоколовъ конечно перелить и колоколъ, пожертвованный Царемъ Іоанномъ Грознымъ. Изъ того, что сказано въ описи о поврежденіи пожаромъ колоколовъ и о поврежденіи иконъ въ Успенской церкви, можно съ вѣроятностію заключать, что дѣйствию пожара въ 1657 году преимущественно подвергалась церковь Успенская съ колокольнею и что имущество церкви Спасопретображенской, равно архивъ, библиотека и ризница, были большею частію спасены отъ пламени;

важныхъ официальныхъ документовъ, каковы: великокняжескія грамоты, выписки изъ писцовыхъ книгъ, купчія и мѣновныя крѣпости и проч.

Кромѣ трехъ каменныхъ церквей, было въ монастырѣ еще *шесть каменныхъ зданій*, небольшихъ и большею частью нежилыхъ, а именно: а) «*казенная палата*,» въ которой хранились вышеупомянутые письменные официальные документы и разные предметы монастырскаго имущества; б) «*келарская*» (назначеніе ея въ описи не показано) (*), в) *поварня пѣственная* (кухня), г) два *погреба* каменные и д) подлѣ святыхъ воротъ *палатка* съ желѣзною дверью. Но жилища помѣщенія для настоятеля, братіи и слугъ монастыря были деревянные и состояли изъ одиннадцати, отдѣльно поставленныхъ келій (домищевъ,) каже-то: двѣ кельи архимандричьи; двѣ кельи келарскіе; двѣ кельи—живутъ въ нихъ старцы; двѣ кельи—больничная да черная; двѣ кельи дьячьи и келья шваленная.» Сверхъ того, за оградой монастыря было на берегу острова нѣсколько деревянныхъ небольшихъ строеній, поставленныхъ «*на рѣжахъ*» (**).

Число братіи и слугъ монастыря, кромѣ настоятеля—архимандрита, было въ 1670 году—93 человѣка, а именно: келарь, казначей, два черныхъ священника, одинъ черный діаконъ, 22 старца и 66 человѣкъ слугъ и рабочихъ людей. Въ *вотчинахъ* монастыря считалось въ то время: семь *селъ*, четыре *сельца* и 98 *деревень*, а въ нихъ 819 *душъ* крестьянъ мужескаго пола. Во всѣхъ селахъ и сельцахъ были

(*). Такъ какъ ниже упоминается о деревянныхъ жилыхъ келарскихъ кельяхъ, то можно предполагать, что каменная «келарская» принадлежала къ числу нежилыхъ зданій и служила мѣстомъ храненія, какъ и казенная палата, монастырскаго имущества.

(**). «На рѣжахъ,» или «на ряжахъ,» т. е. на бревенчатыхъ возвышенныхъ срубяхъ или кѣтъгахъ, околачивавшихся со всѣхъ сторонъ сваями и обложенныхъ камнями, чтобы предохранять строенія отъ весенняго разлива воды и отъ напора льдовъ.

монастырские конюшенные и скотные дворы и запасные хлѣбные анбары. Въ упомянутыхъ дворахъ въ 1670 году считалось: 169 лошадей, 295 головъ крупнаго рогатаго и 316 головъ разнаго мелкаго скота. Въ запасныхъ анбарахъ было хлѣба: ржи 552 четверти и овса 530 четвертей; да числилось по «кабаламъ» (заемнымъ записямъ) въ долгу за крестьянами — ржи 883 четверти, пшеницы 50 четв. и овса 2601 четверть. На поляхъ монастырской запашки высѣвалось въ годъ: ржи до 287 четвертей, овса до 632 четв., ячмени до 98 четв. и пшеницы около 7 четв.

Въ г. Вологдѣ Спасокаменному монастырю принадлежали два подворья, а въ Тотмѣ два соляныя варницы.

По царскимъ грамотамъ, монастырь пользовался притомъ беспошлинною покупкою разныхъ предметовъ на сумму 200 рублей, а также правомъ беспошлиннаго провоза, покупки и продажи 6000 пудовъ соли и нѣкоторыми другими льготами.*

Таково было состояніе и средства знаменитаго Спасокаменнаго монастыря во второй половинѣ XVII столѣтія, въ это, можно сказать, самое цвѣтущее и вмѣстѣ послѣднее время цвѣтущаго состоянія русскихъ монастырей, потому что въ XVIII столѣтіи, съ наступленіемъ Петровскихъ реформъ, и во все послѣдующее время до составленія монастырскихъ штатовъ, монастыри наши большею частію не возвышались, а скорѣе упали въ своемъ вышнемъ благосостояніи.

Къ преимуществамъ Спасокаменнаго монастыря передъ многими древними русскими обителями, кромѣ богатыхъ его вотчинъ, принадлежитъ весьма давнее, а именно съ половины

(*) Таковы на прим. льготы: «ставиться въ Москвѣ къ отвѣту въ три опредѣленные срока въ году, не платить пошлинъ за конское пятно (пятнаніе лошадей монастырскихъ), не давать пошлинъ съ принадлежащихъ монастырю въ г. Вологдѣ анбаровъ и лавозъ и съ посадскими людьми ни во что не тянуть.»

XVI вѣка, существованіе въ немъ архимандритскаго настоятельства (послѣ первоначальнаго игуменскаго). Такъ, съ 1545 года до самаго упраздненія монастыря въ 1774 году находимъ въ немъ непрерывный рядъ настоятелей съ саномъ архимандрита. (*)

О степени, какою занималъ Спасокаменный монастырь между Россійскими монастырями въ прежнія времена, можно судить по нижеслѣдующимъ извѣстіямъ: подъ соборнымъ дваніемъ объ учрежденіи Московскаго Патріаршества въ 1589 г., Спасокаменскій архимандритъ поднимается 24-мъ, выше всѣхъ настоятелей вологодскихъ монастырей; въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, въ лѣстницѣ монастырскихъ настоятелей, архимандритъ Спасокаменскій поставленъ 30-мъ, также выше всѣхъ вологодскихъ настоятелей. Со времени учрежденія Святѣйшаго Правительствующаго Синода по 1740 годъ, Спасокаменскій игумень считался 5-мъ между «степенными», опять выше всѣхъ вологодскихъ монастырскихъ настоятелей. (**)

При учрежденіи духовныхъ штатовъ 26 Февраля 1764 года, за Спасокаменнымъ монастыремъ было 1718 душъ крестьянъ. А по этимъ штатамъ монастырь положенъ *въ третьемъ классѣ*, степенью 67-й, съ настоятельствомъ игуменскимъ. (***)

(Продолженіе *впередь*.)

(*) См. ниже въ главѣ о настоятеляхъ Спасокаменнаго монастыря.

(**) См. Ист. Росс. Церк. часть 2, страж. LXIX. LXXII и LXVII.

(***) Ист. Иерарх. часть 6, томъ 1, стр. 1083 и часть 2, стран. XC.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ (*).

Возвращаясь въ Москву изъ Нижняго-Новгорода по желѣзной дорогѣ, я замѣтилъ въ уголѣ воксала Владимирской станціи монаха, внимательнаго читавшаго книжку, повидимому молитвенникъ. Видъ старца показался мнѣ замѣчательнымъ: сѣдые волосы и бѣлая, какъ снѣгъ, борода какъ будто противорѣчили глубокому, весьма оживленному юношескому взгляду большихъ черныхъ глазъ. Когда онъ окончилъ чтеніе и закрылъ книгу, я подѣлъ къ нему, и изъ разговора узналъ, что онъ іеромонахъ Г..., строитель*** общежительной пустыни, ѣдетъ въ Петербургъ по дѣламъ своей обители, что онъ монашествуетъ уже болѣе 30 лѣтъ, а въ прежней мірской жизни былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи ** полка.

— Какъ это случилось, спросилъ я его, — что вы изъ гвардейскихъ офицеровъ рѣшились сдѣлаться монахомъ? Вѣрно въ вашей жизни случилось что-нибудь необыкновенное?..

— Охотно передалъ-бы я вамъ — отвѣчалъ о. Г.... — повѣсть о моей жизни, или лучше сказать о милости Божіей, посѣтившей меня грѣшнаго, но рассказъ мой длинень. Скоро прозвонитъ звонокъ и намъ придется разстаться. Мы вѣдь въ разныхъ вагонахъ.

Я пересѣлъ къ моему собесѣднику въ вагонъ. По счастью, тамъ не было никого, кромѣ насъ, и онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

«Грустно и стыдно вспоминать мнѣ прошлое — такъ началъ о. Г.... — Я родился въ знатномъ и богатомъ семействѣ: отецъ мой былъ генералъ В., а мать — урожденная княжна Г. Мнѣ было семь лѣтъ, когда отецъ мой умеръ отъ раны, полученной въ Лейпцигскомъ сраженіи; мать умерла еще прежде. Круглымъ сиротою поступилъ я на воспитаніе къ моей бабушкѣ, княгинѣ Г.... Тамъ прискали мнѣ наставника француза, ревностнаго республиканца, бѣжавшаго въ Россію отъ гильотины. Этотъ самозванный философъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Богѣ, и безсмертіи души, о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка. Чему я могъ научиться у такого наставника? Говорить по-французски съ парижскимъ произношеніемъ, мастерски танцовать, хорошо держать себя въ обществѣ; обо всемъ прочемъ — страшно теперь и подумать. Бабушка — ста-

(*) Изъ Душепол. Чтен. юнь, 1869 г.

ринная дама высшего круга и другие родные любовались ловким мальчиком, и никто из них не подозревал, сколько гнусного разврата и всякой преждевременной мерзости скрывалось под красивой наружной оболочкой. Когда минуло мнѣ 18 лѣтъ, я былъ уже юнкеромъ въ гвардейскомъ полку и помѣщикомъ 2000 душъ, подъ попечительствомъ дяди, который былъ мастеръ мотать деньги и меня обучилъ этому нетрудному искусству. Скоро я сдѣлался корнетомъ въ томъ-же полку. Года чрезъ два я былъ помолвленъ на княжнѣ **, одной изъ первыхъ красавицъ того времени. Приближался день, назначенный для свадьбы. Но промыслъ Божій готовилъ мнѣ другую участь; видно что надъ бѣдной душой моею сжалился Господь!

За нѣсколько дней до предполагаемаго брака, 15 сентября 183* года я возвращался домой изъ дворцоваго караула, я отпустилъ своего рысака и пошелъ пѣшкомъ по невскому проспекту. Мнѣ было скучно, какая-то необъяснимая тоска стѣсняла грудь, какое-то мрачное предчувствіе тяготило душу.... Проходя подлѣ Казанскаго собора, я зашелъ туда: впервые отъ роду мнѣ захотѣлось помолиться въ церкви! Самъ не знаю, какъ это случилось, но я помолился усердно предъ чудотворною иконою Божіей Матери, молился объ удаленіи какой-то невѣдомой опасности, о брачномъ счастіи. При выходѣ изъ собора, остановила меня женщина въ рубищѣ, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и просила подавннн; до тѣхъ поръ я былъ безжалостенъ къ нищимъ, но на этотъ разъ мнѣ стало жаль бѣдной женщины; я далъ ей денегъ и промолвилъ—помолись обо мнѣ. Идучи далѣе, я сталъ чувствовать себя дурно, меня бросало то въ жаръ, то въ ознобъ; мысли мутились. Едва дошедши до квартиры, я упалъ безъ памяти къ ужасу моего вѣрнаго Степана, который находился при мнѣ съ дѣтства и часто (но увѣ- безуспѣшно) предостерегалъ меня отъ многихъ дурныхъ поступковъ. Что было послѣ—не помню; только представляется, какъ будто во снѣ, что около меня толпились врачи и еще какіе-то люди, что у меня страшно болѣла голова и все какъ будто кружилось вокругъ меня. Наконецъ я совсѣмъ обезпамятѣлъ. Безпамятство продолжалось (какъ узналъ я послѣ)—двѣнадцать сутокъ и я какъ будто проснулся. Сознаю себя въ полной памяти, но не имѣю силъ открыть глаза и взглянуть, не могу тронуться ни однимъ членомъ. Прислушиваюсь—надо мной раздается тихій голосъ:

Господь посетъ мя, и ничтоже мя лишитъ. На мѣстѣ

злачнѣ, тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имене ради своего. Аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси.» (Псал. 22).

А изъ угла комнаты слышу разговоръ двухъ моихъ сослуживцевъ; я узналъ ихъ по голосу.

—«Жаль бѣднаго В.—говорилъ одинъ—еще рано-бы ему... Какое состояніе, связи, невѣста красавица....»

—Ну на счетъ невѣсты жалѣть много нечего, отвѣчалъ другой. Я увѣренъ, что она шла за него по расчету и очень неохотно. А В. точно жаль, теперь и занять не у кого, а у него всегда можно было перехватить сколько нужно и надо.

—Надолго! иныи и совсѣмъ не отдавали. А кстати, вѣроятно, лошадей его продадутъ дешево, хорошо-бы купить парадера (лучшаго верховаго коня).

Что-же это, думалъ я, не ужели я умеръ? Неужели душа моя слышитъ, что дѣлается и говорится подлѣ меня, подлѣ мертвата моего тѣла? Значить—есть во мнѣ душа, отдѣльная отъ тѣла, можетъ быть—безсмертная душа? (Бѣдный грѣшникъ! еще въ первый разъ встрѣтился я съ этою мыслию). Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ я умеръ. Я чувствую, что мнѣ жестко лежать, чувствую, что мундиръ жметъ мнѣ грудь—значить я живъ! Полежу, отдохну, соберусь съ силами, отворю глаза; какъ всѣ перепугаются и удивятся!

Прошло нѣсколько часовъ (я могъ исчислять время по бою стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ). Чтеніе псалтири продолжалось. На вечернюю панихиду собралось множество родныхъ и знакомыхъ. Прежде всѣхъ пріѣхала моя невѣста, съ отцомъ своимъ, старымъ княземъ ***. «Тебѣ нужно имѣть печальный видъ, постарайся заплакать, если можно», говорилъ отецъ. — Не безпокойтесь, мама, отвѣчала дочь, кажется я умѣю держать себя, но, извините, заставить себя плакать не могу. Вы знаете, я не любила В... я согласилась выйти за него только по вашему желанію, я жертвовала собой для семейства.... —Знаю, знаю, мой другъ—продолжалъ старикъ—но что скажутъ, если увидятъ тебя равнодушною? Эта потеря для насъ большое горе: твое замужество по-правило-бы наши дѣла. А теперь гдѣ найдешь такую выгодную партію?»—разумѣется этотъ разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ, чтобы псаломщикъ и слуги не могли понять. Я одинъ слышалъ и понималъ!

Послѣ панихиды подошла проститься со мною моя бывшая невѣста. Она крѣпко прильнула губами къ моей похолодѣвшей рукѣ и долго долго, какъ будто не могла оторваться. Ее отвели насильно, уговаривали не убивать себя горестью. Вокругъ меня слышались слова: «какъ это трогательно, какъ она любила его!»

О связи мірскаѣ, какъ вы непрочно и обманчивы! Вотъ дружба товарищей, вотъ и любовь невѣсты! А я, жалкій безумецъ, любилъ ее страстно и въ ней одной полагалъ свое счастье!...

Когда всѣ разѣхались послѣ панихиды, я услышалъ надъ собою плачь добраго старика Степана; слезы его капали на мое лице. «На кого ты насъ покинулъ, голубчикъ мой—причитывалъ старикъ, что теперь съ нами будетъ! Умолялъ я тебя—побереги себя баринъ! а ты не хотѣлъ и слушать. Погубили тебя пріатели и виномъ и всякимъ развратомъ. А теперь имъ до тебя и горя нѣтъ; только мы, слуги твои, надъ тобой плачемъ!» Вмѣстѣ съ Степаномъ плакали и крестьяне мои Я. губернии, жившіе въ Петербургѣ по паспортамъ. Они любили меня искренно, потому что я не притѣснялъ ихъ, и не увеличивалъ оброка. Но совѣсти признаю, что я поступалъ такъ единственно изъ безпечности; денегъ доставало мнѣ съ избыткомъ не только на мои потребности, но и на всѣ безобразія, какія приходили мнѣ въ голову.

И такъ вотъ гдѣ нашелъ я слѣды искренней любви: въ сердцахъ простыхъ людей, рабовъ! Конечно и это чувство нельзя назвать безкорыстнымъ; по крайней мѣрѣ оно было неприлично!

Наступила длинная, безконечная ночь. Я сталъ вслушиваться въ чтеніе псалтири, для меня вовсе незнакомой; никогда прежде не раскрывалъ я этой божественной, сладостной книги.

«Къ Тебѣ, Господи, воззову, Боже мой, да не премолчиши отъ мене, и угодоблюся нисходящимъ въ ровъ. Услыши Господи, гласъ моленія моего, внигда молитимися къ Тебѣ, внигда воздѣи ми рукѣ мои ко храму святому Твоему. Не привлецы мене со грѣшники, и съ дѣлающими неправду не погуби мене. Господь помощникъ мой, и защититель мой, на Него упова сердце мое, и поможе ми: и процвѣте плоть моя, и волею моею исповѣмся Ему» (Псал. 27, ст. 1, 2, 3 и 7). «Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже

гнѣвомъ твоимъ накажеши мене. Яко стрѣлы твоя уязоша во мнѣ, и утвердилъ еси на мнѣ руку твою. Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва твоего: нѣсть мира въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Господи, предъ тобою все желаніе мое, и воздыханіе мое отъ тебе не утаися. Сердце мое смятется, оятиви мя сила моя, и свѣтъ очію моею, и той нѣсть со мною». (Псал. 37 ст. 1—4, 10 и 11).

Глубоко врѣзывались мнѣ въ сердце псаломскія слова, я повторялъ ихъ мысленно, и горячо горячо молился. Вся прошедшая жизнь разстилалась передо мною, какъ будто холстъ, покрытый разными нечистотами. Что-то невѣдомое, святое, чистое влекло меня къ себѣ, я даясь объѣтъ исправленія и покаянія, объѣтъ посвятить всю остальную жизнь на службу милосердому Богу, если только Онъ помилуетъ меня. А что — если не суждено мнѣ возвратиться къ жизни? Что, если эта живая смерть не прекратится, если меня — живаго мертвеца — заживо заруютъ въ землю? — Не могу теперь высказать всего, что переживалъ я въ эту ужасную, незабвенную для меня ночь. Скажу вамъ только, что на другой день Степанъ замѣтилъ на головѣ моей, между юношескими русыми кудрями, цѣлый клокъ сѣдыхъ волосъ. Даже и послѣ, когда воображеніе представляло мнѣ во снѣ эту ночь, проведенную во гробѣ, я вскакивалъ, какъ безумный, съ раздирающими бривками, покрытый холоднымъ потомъ!

Пастушило утро, и душевныя страданія еще болѣе усилились. Мнѣ суждено было выслушать свой смертный приговоръ. Подлѣ меня говорили: «сегодня вечеромъ вынось, завтра похороны въ Невской лаврѣ!» Во время утренней панихиды кто-то замѣтилъ капли пота на моемъ лицѣ, и указалъ на то доктору. «Нѣтъ, сказалъ докторъ, это холодное испареніе отъ комнатнаго жара!» Онъ взялъ меня за пульсъ и промолвилъ: «пульса нѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ умерь!»

Невыразимая пытка — считаться мертвымъ, ждать той минуты, когда заколотятъ крышку гроба, въ которомъ я лежу, когда земля на нее посыплется и не имѣть силы проявить жизнь свою ни взглядомъ, ни звукомъ, ни движеніемъ! А между тѣмъ я чувствовалъ, что силы мои были еще слабѣе, нежели вчера. Нѣтъ надежды! Мрачное отчаяніе овладѣло мною, кровь била въ голову, мнѣ казалось, что всѣ внутренности мой сжимаются и содрагаются, изъ сердца вырывались потоки злобы и проклятій... Но видно Ангелъ хранитель мой бдѣлъ

надо мною: какое-то внутреннее чувство подсказывало мнѣ молитву изъ тѣхъ священныхъ словъ, которыя я, слышавъ, лежалъ въ гробу.

«Боже мой! помилуй меня, пощади меня, я гибну! Скверенъ я, нечистъ, велики, безчисленны грѣхи мои, но милость Твоя безмѣрна. Помилуй мя, Господи, яко смятошася кости мои! Дай мнѣ время очистить совѣсть, загладить прежнюю жизнь мою! Твой есмь азъ—спаси мя!» Такъ зывавъ я изъ глубины души, обуреваемой предсмертною тоскою.

Еще нѣсколько мучительныхъ, безотрадныхъ часовъ—и я не молился уже о возвращеніи къ жизни: я молилъ себѣ тихой смерти, какъ избавленія отъ предстоявшихъ мнѣ страшныхъ мукъ. Мало-по-малу успокоивалась душа моя въ крѣпкой молитвѣ: ужасы медленной смерти въ могилѣ представлялись мнѣ казнию заслуженною. Я всецѣло предалъ себя въ волю Божию и желалъ только одного—отпущенія грѣховъ моихъ.

Въ такихъ чувствахъ находился я при вечерней панихидѣ, когда пѣвчіе пѣли надо мною: «Образъ есмь неизреченный Твоея славы, аще и язвы ношу прегрѣшеній; ущедри Твое созданіе, Владыко, и очисти Твоимъ благоутробіемъ, и вождельнное отечество подаждь ми, рай наки жителя мя сотворяя». Панихида кончилась и какіе-то люди подняли меня вмѣстѣ съ гробомъ. При этомъ они какъ-то встряхнули меня и вдругъ изъ груди моей безсознательно вырвался вздохъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ другому: «покойникъ какъ будто вздохнулъ»?—«Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, тебѣ показалось». Но грудь моя освободилась уже отъ стѣнявшихъ ее спазмовъ—я громко застоналъ. Всѣ бросились ко мнѣ, докторъ быстро разстегнулъ мундиръ, положилъ руку мнѣ на сердце и съ удивленіемъ сказалъ: «сердце бьется, онъ дышетъ, онъ живъ! Удивительный случай!» Живо перенесли меня въ спальню, раздѣли, положили въ постель, стали тереть какимъ-то спиртомъ. Скоро открывъ я глаза и первый взглядъ мой упалъ на икону Спасителя, ту самую икону, которая (какъ узналъ я послѣ) лежала на аналоѣ у изголовья моего гроба. Потокъ слезъ пролился изъ глазъ моихъ и облегчилъ сердце. Въ ногахъ кровати стоялъ Степанъ и плакалъ отъ радости. Подлѣ меня сидѣлъ докторъ и уговаривалъ быть спокойнымъ. Онъ не понималъ моего положенія.

Помощь доктора была мнѣ вовсе не нужна, молодые силы возобновлялись быстро. Впрочемъ я благодаренъ ему за

то, что онъ по просьбѣ моей, запретилъ пускаться ко мнѣ постороннихъ, чтобы не беспокоить больного.

Въ совершенномъ одиночествѣ провелъ я нѣсколько дней, не видя ни одного чужаго лица: отрадою и пищею души были мнѣ божественныя пѣсни Давида; изъ нихъ учился я познавать Бога, любить Его и служить Ему.

Много знакомыхъ толкались ко мнѣ въ двери изъ любопытства видѣть ожившаго мертвеца. Каждый день заѣзжалъ мой нареченный тесть. Онъ видимо старался не упустить выгодной партіи. Но я никого не принималъ.

Первымъ дѣломъ моимъ, по выздоровленіи, было приготовленіе къ св. таинству причащенія Тѣла и Крови Христовой. Опытный въ духовной жизни священникъ о. М—й былъ духовникомъ моимъ. Онъ укрѣпилъ меня въ рѣшимости отречься отъ міра и отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей.

Но не скоро могъ я избавиться отъ житейскихъ дѣлъ. Прежде всего я постѣшилъ отказаться отъ чести быть зятемъ знатнаго старика и мужемъ прекрасной княжны. Потомъ вышелъ въ отставку, отпустилъ Я—хъ крестьянъ моихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, распродалъ всю свою движимость и нашелъ доброе употребленіе деньгамъ; прочія имѣнія передалъ законнымъ наследникамъ. Въ такихъ заботахъ прошелъ цѣлый годъ. Наконецъ, свободный отъ земныхъ попеченій, я могъ искать тихаго пристанища и избралъ себѣ благую часть.

Въ нѣсколькихъ монастыряхъ побывалъ я и поселился въ той пустыни, гдѣ теперь доживаю вѣкъ свой. Вѣрнаго своего Степана отпустилъ я на волю и предлагалъ ему денежное награжденіе, достаточное для обезпеченія его старости, но онъ не принялъ денегъ и со слезами просилъ не отсылать его. Онъ хотѣлъ умереть при мнѣ, провелъ остатокъ жизни въ нашей обители, и умеръ, не принявъ постриженія. «Куда мнѣ, грѣшнику недостойному быть монахомъ—говорилъ онъ. Довольно съ меня и того, что сподобился жить съ рабами Божиими».

Почтенный отецъ Г., заключилъ рассказъ свой слѣдующими словами: «На мнѣ вы видите дивный опытъ милосердія Божія. Чтобы психитить душу мою изъ мрачнаго сна грѣховнаго, Благій Человѣколюбецъ допустилъ меня пройти юдоль сѣни

смертной и на гробовомъ дождѣ просвѣтилъ очи мои, да не усну въ смерть вѣчную!»

Графъ М. Толстой.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАРОДНЫЙ ПАМЯТНИКЪ

СВЯТИТЕЛЮ ХРИСТОВУ ТИХОНУ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, по представленію Святейшаго Синода, въ 22 день августа 1864 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: на мѣстѣ рожденія и начальной жизни новавленнаго угодника Божія **Святителя Тихона**, Новгородской губерніи, въ Валдайскомъ уѣздѣ, гдѣ покоятся его родители и предки, учредить, на добровольныя приношенія, **Короцкую женскую общину съ Училищемъ** при ней и **Лечебницею** для приходящихъ.

Всѣ сословія: духовное, гражданское, военное и сельское, богатые и бѣдные, со всѣхъ концовъ Россіи, своими пожертвованіями содѣйствовали сооруженію Обители. Въ замѣчательномъ усердіи къ чествованію св. **Тихона**, ясно выразилось чувство православнаго народа одушевленнаго благодарнымъ воспоминаніемъ молитвенныхъ подвиговъ, высоконазидательныхъ писаній, направленныхъ преимущественно къ наученію простыхъ людей, и христіанскихъ добродѣтелей, за которые новавленный Угодникъ сподобился, по честномъ успеніи, въ сонмѣ святыхъ предстоять престолу Пресвятыя Троицы, и ходатайствомъ Своимъ низводить обильно дары милосердія Божія на всѣхъ къ Нему притекающихъ Печатныя и устныя сказанія повѣствуютъ о многихъ и разнообразныхъ явленіяхъ благодати Божіей, дѣйствующей по молитвамъ Святителя **Тихона** въ сынахъ Православной церкви. Самыя приношенія на сооруженіе обители, по письменнымъ отзывамъ жертвователей, часто были

присылаемы: или въ слѣдствіе особенныхъ благодѣній и знаменательныхъ явленій св. Тихона, или для испрошенія помощи отъ Него въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Въ **Короцкой обители** возведены слѣдующія зданія: величественный соборъ съ колокольнею, построенный въ византійскомъ стилѣ; внутри росписанъ иконописью въ томъ же стилѣ. Трехъ-этажный каменный корпусъ съ кельями для 200 сестеръ; двѣ гостинницы для пріѣзжающихъ всякаго званія и два особые дома, въ которыхъ помѣщаются: пріютъ для бѣдныхъ странниковъ, отдѣльно для каждаго пола, училище для дѣвицъ и лечебница для приходящихъ; построены двѣ часовни и хозяйственные принадлежности. Обитель обнесена оградю на 400 сажень.

Въ обители введенъ древній иноческій уставъ общежитія. Богослуженіе совершается ежедневно; напѣвъ столповой; день и ночь отправляется неусыпное чтеніе Псалтыря, съ постоянными молитвами о здравіи благоворителей и блаженномъ покоѣ усопшихъ сродниковъ ихъ. Богослуженіе происходитъ во временной церкви, устроенной въ кельяхъ. Въ соборномъ храмѣ утверждена иконостасъ, оканчиваются иконы для него и прочія принадлежности къ храму. Освятить его предположено въ маѣ 1871 года, если благословить Господь пожертвованіями окончить плату мастеровымъ, простирающуюся до 3,000 р., — чѣмъ и завершится устройство обители.

Съ надеждою на милосердіе Божіе, настоятельница со всѣми о Христѣ сестрами, испрашивая молитвенно помощи у св. Тихона, обращаются къ вѣрѣ и усердію всѣхъ и каждаго изъ православныхъ и благочестивыхъ сыновъ Церкви и отечества, смиреннѣйше прося ихъ: пожертвовать въ честь Святителя Тихона посильную лепту на окончательное устройство Обители; да послужитъ она грядущему поколѣнію живымъ памятникомъ, что и въ нашъ вѣкъ, почитаемый скуднымъ вѣрою и любовію, сіи основныя христіанскія добродѣтели не изсякли въ избранныхъ членахъ Православной Христовой церкви.

Приношенія адресуются: *Председателю Сиротельнаго комитета, Иверскаго монастыря Архимандриту Лаврентію, въ городъ Валдай, Новгородской губерніи. На устройство Короцкой женской обители.*

Исторія Короцкой обители, со спискомъ всѣхъ жертво-

вателей, уставъ ея и подробный отчетъ въ употребленіи денегъ, по совершеніи всего дѣла будутъ напечатаны.

ОБЪ ИЗДАНИИ КУРСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Въ 1871 году съ Феврала мѣсяца будутъ издаваться Курскія Епархіальныя вѣдомости по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ.

Курскія Епархіальныя вѣдомости будутъ выходить въ Бѣлгородѣ при Семинаріи дважды въ мѣсяць, 1-го и 15-го числа, выпусками отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ; цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 рублей серебромъ. Адресъ: въ Бѣлгородѣ Курской губерніи, въ редакцію Курскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей при семинаріи.

*Редакторъ Рectorъ Семинаріи Протоіерей
Матей НЕВСКІЙ.*

Содержаніе:

—1) Описаніе Спасокаменнаго, что на Кубенскомъ озерѣ, монастыря (продолженіе.)— *Н. Суворова.*—2) Живой мертвецъ. *Разсказъ графа М. Толстаго.*—3) Объявленія.

*Редакторъ, ректоръ семинаріи,
Архимандритъ Аврамій.*

Дозволено цензурою. Февраля 14 дня 1871 г. Вологда.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.